

18+

ВЗВЕСЬ

ДМИТРИЙ КАРТАШЕВ

Дмитрий Карташев Взвесь. Первый авторский сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72833887

ISBN 9785006862494

Аннотация

«Взвесь» – первый авторский сборник, представляющий собой подборку стихотворений и прозаических миниатюр из книг «Присутствие/отсутствие», «„уже конец“ – „ещё не конец“», «Веер» с добавлением нескольких текстов, не вошедших ни в одну из книг и ранее нигде не опубликованных.

Содержание

ПРЕДЕЛЫ	6
ADAGIO – ANDANTE MOSSO	6
ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ	7
«Громада города со стражем-башней...»	8
«Тишь. Нет ветра за окном...»	9
МОЗАИКА ОКТЯБРЯ	10
ПОСТУПЬ ХАРОЛЬДА БАДДА	11
ВИДЕОЗВОНОК ДРУГА ИЗ ЯПОНИИ, когда там шесть утра, а у нас полночь	13
БЛИЖЕ НЕБО	14
В ПЕТРОВСКОМ	15
ИНДИЯ	16
КАМЕНЬ	17
ПОД ВЛИЯНИЕМ БОНФУА	17
ГРАНИ ПОЭТА	18
«Туман. Лёгкие звуки воды...»	19
«Лодочник, сидящий в лодке...»	20
АВАНГАРД	21
НЕТ СМЕРТНОЙ ТЕНИ	22
ПОСЛЕДНИЕ ВРАТА В ВАРНАСИ И ПУРИ	23
«В кругу одних и тех же мыслей...»	24
СУЩЕСТВА	25

«Глаз видит глаз...»	26
МЫСЛЬ И ВЕРА	27
ПУТЬ ЛЮБВИ	28
1. НА ЗЕМЛЕ	28
2. К НЕБЕСАМ	28
ОСВЕЩЁН	30
«Срываясь вниз, люблю я наблюдать...»	30
ДВА ЯЗЫКА ПЛАМЕНИ	31
ПРИСУТСТВИЕ/ОТСУТСТВИЕ	32
ЧУЖОЙ ГОРОД	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Взвесь
Первый авторский
изборник

Дмитрий Карташев

© Дмитрий Карташев, 2025

ISBN 978-5-0068-6249-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДЕЛЫ

ADAGIO – ANDANTE MOSSO

Зима не спеша
перевалилась через гряды
зимнего солнцестояния.
Стоят тихие дни.
Солнечно. Бесснежно.
Холодно, но почти ничто
не напоминает
о январе.

Ночью на улице голоса.
Звонко проникают
в пределы замкнутой жизни.
Люди без лиц и судьбы
обступают, надвигаются,
завоёвывают пространство внутри,
где и так людно,
шумно и нет покоя.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

скелеты деревьев торчат из воды
живого обрубки
посреди мёртвых болот
вокруг хмарь и тишина
мокрый снег
грязными островками
гнездится тая здесь и там
ухабистая дорога ведёт в никуда
обледенелые ямы краснеют от ольхи
серое небо стекает в черноту леса

«Громада города со стражем-башней...»

Громада города со стражем-башней
на подступах к нему.

За ней прибором каменным
дома, дома, рядами —
зеркальные глазницы окон,
подвижными огнями —
артерий улицы, мерцанье.

Залива гладь. Закат.
Окрашенные солнцем облака.
Природа. Беспредельность дали.
Гармония и плавность линий
вдоль берега залива,
за городом, от суеты вдали.

Мир, в нём человек — живые.
Движеньё в мире постоянных изменений.
Покоя полоса, песок, волн перешёптывание,
отраженья плывущих в небе облаков.
На лошади галопом вдоль линии приборя
и в мягком свете заходящего светила.

«Тишь. Нет ветра за окном...»

Тишь. Нет ветра за окном.
Так непривычно здесь увидеть,
как не шевелятся деревьев
без листьев ветви, как покоем дышат
залива берег, гладь морская,
нагроможденье льдин и пятна снега,
дома в туманной дымке слева,
а справа – слиянье неба
свинцово-серого и серой же воды,
и Петергоф напротив,
расплющенный пуховым одеялом
бессолнечного купола небес,
подпёртый снизу – водами залива
без отраженья, без движенья:
в январской яме без просвета.

МОЗАИКА ОКТЯБРЯ

Ни дуновенья, ни волненья,
застывший воздух раннего утра,
тишайший полумрак,
жёлто-багряные вкрапленья
в зелёном перламутре
по ту сторону стекла.

А в солнечном экстазе
сиянье белых тел берёз,
слепит, рябит в глазах
от яркости, разнообразия оттенков
зелёно-жёлтого убранства
дерев высоких меж домов.

Остекленевший воздух октября.
Взгляд сверху на бегу
в застывший мрак
раздавленного воробья:
смерть – лишь фрагмент
в мозаике живого бытия.

ПОСТУПЬ ХАРОЛЬДА БАДДА

мягкие звуки рояля
Харольда Бадда
стекают сверху вниз
перепархивая по кочкам
беспокойного сознания

холодное золото заката
приговорило к исчезновению
этот тихий майский день

гроздь цветущей черёмухи —
отрада для глаз
но не утишат боли
замерев в безветрии вечера
в череде прочих грустных вечеров

алеет солнца зрак
вот-вот закроется
тяжёлым веком земли

всё так же здесь звучит
крадучись осторожно
Харольд Бадд

вовне – по разным наблюдениям —

гибридный многоликий ад

ВИДЕОЗВОНОК ДРУГА ИЗ ЯПОНИИ, когда там шесть утра, а у нас полночь

Полу Девагати

братская могила последних самураев
большое кладбище на склонах гор
дорожки выются, по которым пробегают
старцы одинокие по вечерам

вокруг сакура не в цвету
и ворон на могильном камне
среди зелени мелькает Фукуока
фрагментами бетона и осколками стекла
а дальше – океан

БЛИЖЕ НЕБО

сосновый свежий воздух
лесные тропы, тишина
пьянящий тёплый воздух
гладь воды и небо
плывут над нами
дождевые облака
сосна склонилась над водою
и наклоняет ближе небо

вдали шум мира
и отзвуки войны
металла скрежет, лязг
и дрязги меж родными
родник здесь ласково журчит
вода бежит к воде
а у большой воды в тиши
лишь даль и много света

В ПЕТРОВСКОМ

В Петровском за усадьбой Ганнибала,
среди липовых аллей, к которым Пушкин
душою прилеплялся и здешние красоты воспевал,
к которым, уж не знаю как, дышал арап,
усталым сердцем в августовском зное,
без края мира своего, искомым до сих пор,
любуюсь краем мира, пусть чужим,
но обрётённым на мгновенье, где поневоле-вольно
вспоминал об Африке Абрам.

В Петровском за усадьбой Ганнибала.

ИНДИЯ

Полунищенкой,
 полуверная,
полуродина —
 ухмыляется,
полусветочем,
 полусферами,
поворотами —
 повторяется.

Повторяемость —
 уникальная,
полуграмотность —
 здесь прощается,
под поверьями —
 спит, не кается,
ложью сладостной —
 надпрощания.

КАМЕНЬ

ПОД ВЛИЯНИЕМ БОНФУА

Печали звёздное небо,
извечное мерцанье.
Человек – тяжёлый камень,
осевший на дно
реки воспоминаний,
чьи воды протекают мимо...
Иль лист, дрожащий
на ветру тревог и сожалений,
что, изменяя вычурность листа,
проносит мимолётные снежинки —
мгновенья, блики, хрупкость бытия.

ГРАНИ ПОЭТА

поэт спит и мир замер в ожидании
поэт проснулся и мир раскрывается
играет красками и звучит голосами

большому поэту мир подвластен всегда
даже во сне, даже на краю жизни
во время свидания со смертью

большой поэт идёт тайными тропами
большой поэт бредёт, спотыкаясь
но мир не успевает за ним

тонкий поэт чувствует и мир отдаёт себя
чуткий поэт смотрит и мир раздевается
до основ, до самой своей сути

«Туман. Лёгкие звуки воды...»

Туман. Лёгкие звуки воды.
Запах палой листвы.
В тишине шаги человека
нарушают гармонию звучания.
Озеро под охраной деревьев,
многогласное безмолвие леса.
Миг, другой, наконец
законченный пейзаж без человека.

«Лодочник, сидящий в лодке...»

Лодочник, сидящий в лодке
и управляющий веслом,
в движении своём
к известной тебе цели
становишься единым ты
с веслом и лодкой, с ветром,
когда потоком вдохновлённый,
ты крыльями мечты
ведомый вдаль,
молчишь и улыбаешься.

АВАНГАРД

Борьба с пределами,
с конечной правдой жизни
по мановению руки,
благодаря
размытым формам,
что ясный взор насквозь —
нет, не увидел,
не прозрел,
впитал, так жадно прожил,
как проживают жизнь:
нелепо, угловато, странно,
раздробленно, лоскутно,
совершенно.

НЕТ СМЕРТНОЙ ТЕНИ

Ярославу Смирнову

Мы смерть в себе храним, лелеем,
никто не должен тайну её знать.
Вирус безволя проникает еле-еле,
его повергнет веры нашей рать.

Мы не умрём, ведь смерть – понятие наносное,
не может умереть всё то, что в вечности живёт,
но клетка тела – в рабстве холода и зноя —
развалится однажды, дух её переживёт.

Не разрушай мосты, разрушенного не проси,
жди, поливай росточек убеждений,
дух вертится вокруг бессмертия оси,
ты на свету, и нет, нет смертной тени.

ПОСЛЕДНИЕ ВРАТА В ВАРАНАСИ И ПУРИ

Станиславу Аустову

Тени, тени, безликие тени усопших —
их мириады – касаются ласково нас.
Мы – все живые – под тяжестью ноши,
пригляду не рады прищуренных глаз.

Здесь наши роды не меняют погоды,
мы осторожно вступили в божественный сад,
в нём незаметно проходят минуты и годы,
но посмотри: мы вошли в Маникарника-гхат.

Я вспоминаю костры... Дымовая завеса,
лодки на Ганге, воздушные змеи, урок
жизни кипучей, лишённой в миг веса,
истлевающей в пламени, закончился срок.

Тени толпятся, влечёт их к воротам,
им-то как будто легко, по живущим – удар:
сомнения и страх, не знаем мы, что там
за последней чертой. Мы вошли в Сварга-двар...

«В кругу одних и тех же мыслей...»

В кругу одних и тех же мыслей,
поступков, отступаний, отступлений,
возврата нет, но в то же время
ты вновь как будто в той же точке,
исходной точке, и то исход, и точка.

Невозвращенье, истинный возврат
возможен лишь ко всепрощенью,
вполне последовательные превращения.

СУЩЕСТВА

мы существа
что существуют
по существу
в несуществующем краю
под пристальным присмотром
всеведущего и вездесущего
недосягаемого Существа

«Глаз видит глаз...»

Глаз видит глаз,
и в душу вглядывается
душа другая.

Но заблуждению
другое заблуждение
не распознать никак.

МЫСЛЬ И ВЕРА

Человек, мыслящий дерзновенно, но без веры в божественный порядок, обречён на блуждание в пустоте – в лучшем случае, и на интеллектуальный и духовный крах – в худшем. Лишь стремление к познанию, исключаящее абстрактное умствование, мира и себя как неотъемлемой части этого мира, окрылённое такой верой, наполнит жизнь человеческую смыслом, а итог дней его – радостью, пониманием и благодарностью.

ПУТЬ ЛЮБВИ

1. НА ЗЕМЛЕ

Земля. Небо. Человек. Прорастает корнями в землю, бродит по ней и в ней находит свой последний приют. Иногда в дороге человек поднимает глаза к небесам.

Здесь, на земле, разбивает он свои цветники. Здесь, на земле, он борется с сорняками. Здесь ищет воду, что дарует жизнь. Здесь он засоряет всё вокруг. Здесь живёт в грязи и мечтает о лучшей доле.

Здесь он падает и здесь поднимается, опираясь на землю. Здесь заглядывает в себя и здесь находит любовь, наконец по-настоящему замечая других. Здесь человек действительно одинок, и здесь он обретает семью.

2. К НЕБЕСАМ

Земля. Плоды труда. Мгновения понимания и признания. Благодарность. Глаза напротив, дающие любовь, ожидающие любви. Сила настоящего момента. Простые вещи. Сложные решения.

Здесь, на земле, человек начинает путь исцеления, заглядывая в своё сердце. В сердце раскрываются врата, за которыми тянется извилистая тропа проб и ошибок. Это путь любви, восходящий путь к небесам, что отражаются в глазах напротив.

ОСВЕЩЁН

**«Срываясь вниз,
люблю я наблюдать...»**

Срываясь вниз, люблю я наблюдать
за тем уродцем, что корчится внизу.
Взмывая ввысь, я удивляюсь
тому счастливцу, что парит вверху.

ДВА ЯЗЫКА ПЛАМЕНИ

фитилёк чадит в стакане
на стекле послушным двойником
яростно мелькает отражение огня —
чуть бледнее, чем создатель

дуновение колеблет пламя
лепесток огня дрожит, сияет
отраженье ему вторит
двигаясь неистово, подвижно

притягивает взор их странный танец
ведь оба языка не могут слиться
в нелепой страсти избегает
один другого, уклоняясь

как души моей две половинки

ПРИСУТСТВИЕ/ОТСУТСТВИЕ

присутствие в момент отсутствия
отсутствие – среди растянутых тире
где обращаются к тебе, а ты отсутствуешь
присутствуя во внутренней растянутости «рэ»

ЧУЖОЙ ГОРОД

ВОТ КОГДА ТЫ ПОНИМАЕШЬ
ЧТО СМЕНИЛОСЬ ПОКОЛЕНИЕ
ТВОЁ, ПРИШЛО ДРУГОЕ
ЧТО ПРОШЛА ЭПОХА
ЧТО ВРЕМЯ ТВОЁ УШЛО
ГОРОД СТАЛ ЧУЖИМ
НИ ОДНОГО ЗНАКОМОГО ЛИЦА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.